

**Научная статья**

DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-2-3-08-23

УДК: 930.1

**КОРЕЙЦЫ: ЗАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ
(Откуда корейцы на территории Камчатского края, проблемы заселения,
специфика, трудовая занятость, прошлое)****Бугай Николай Федорович**

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

Orcid iD: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)nikolay401@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе новых архивных документов, в том числе и местных архивов, показана эволюция появления корейцев на Дальнем Востоке. Автор особое внимание уделяет Камчатскому полуострову, одному из дальних регионов Российской империи. Ученые по-разному проводили свои исследования, предусматривая свой собственный интерес. Поэтому не случайно численные характеристики этого направления заметно разбросаны, требуют немалых усилий по приведению их в определенный порядок и концентрированное выражение. Но тем не менее новые находки пополняют имеющиеся сведения по этому интересному вопросу применительно к Дальнему Востоку и в целом российской государственности.

Постепенно выстраивается определенная картина, которая, несомненно, помогает как глубокому раскрытию политической стороны жизни общества, так и вызывает новые вопросы, которые требуют и новых поисков, и обобщений. Поэтому каждая новая находка является определенным вкладом в изучение вопроса в целом, расширяя горизонты изучаемого аспекта, а также позволяет вносить некоторые коррективы в имеющиеся данные, что прослеживается и в представляемой статье.

Всероссийская перепись населения 1897 года фиксирует, что на территории Дальнего Востока Российской империи проживали 26,5 тыс. корейцев. Однако их приезд в регионы края не прекращался и в последующие годы.

Ключевые слова: империя, Корея, переселение, Дальний Восток, семья, перепись, труд, обустройство, адаптация, интеграция, социум.

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Корейцы: заселение Камчатского края (Откуда корейцы на территории Камчатского края, проблемы заселения, специфика, трудовая занятость, прошлое) // Культурный ландшафт регионов 2022. Том. 4. № 2-3. С. 08-23.

DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-2-3-08-23

Original article

KOREANS: SETTLEMENT OF THE KAMCHATKA TERRITORY (Where do Koreans come from in the Kamchatka Territory, settlement problems, specifics, employment, the past)

Nikolay F. Bugay

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Orcid iD: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)

nikolay401@yandex.ru

Abstract: The article shows the evolution of the appearance of Koreans in the Far East on the basis of new archival documents, including local archives. The author pays special attention to the Kamchatka Peninsula, one of the distant regions of the Russian Empire. Scholars have conducted their research in different ways, based on their own interest. Therefore it is not accidental that the numerical characteristics of this area are noticeably scattered, requiring considerable effort to bring them into a certain order and concentrated expression. But nevertheless new finds replenish the available data on this interesting question concerning the Far East, and as a whole the Russian statehood.

Gradually a certain picture is built up, which undoubtedly helps both to strengthen the disclosure of the political side of society, and raises new questions, which require both new searches and generalizations. Therefore, each new finding is a certain contribution to the study of the question as a whole, expanding the horizons of the studied aspect, also allows us to make some adjustments to the available data. The same can be traced in the article presented to the reader.

The all-Russian census of 1897 records that 26,500 Koreans lived in the Far East of the Russian Empire. However their arrival to the regions of the region didn't stop in the following time.

Keywords: Empire, Korea, resettlement, Far East, family, census, labor, settlement, adaptation, integration, society.

For citation: Bugay N.F. Koreans: settlement of the Kamchatka Territory (Where do Koreans come from in the Kamchatka Territory, settlement problems, specifics, employment: the past). *Cultural landscape of the regions*. 2022. Vol. 4. № 2-3. P. 08-23. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2022-4-2-3-08-23

Методы исследования. К человеку как объекту исследования, региону его пребывания, ландшафту новой культуры, территории расположения региона, сфере жизнедеятельности, конечно же, применимы методы историзма, хронологического изложения материала, сравнительного анализа. Весьма важно и применение такого принципа, как констелляция. Несмотря на сжатость изложения фактов, применение просопографического метода, ставящего в центр внимания человека, его семью и род занятий, придает научной работе особую ценность.

Последовательное применение этих методов и принципов позволяет исследователю продвинуться в частичном изучении проблемы и сделать необходимые выводы [5].

Литература. Круг литературы по данному вопросу не так велик, и особенно применительно к рассматриваемому периоду до 1917 г. Первенство в данном случае принадлежит Н. Кюннеру – известному исследователю истории народов Дальнего Востока, рукопись книги которого, в том числе и о корейцах, хранится в архивах Российской академии наук [АРАН. Ф.1577. Оп.6. Д.204. Л.1-176]. В ней автор рассматривает этногенез японцев, захватывая одновременно и разные стороны корейской общности, процесс формирования японско-корейских родов. Ученые обработали рукопись и издали ее. С книгой можно ознакомиться.

В последние годы частично обращались к этому вопросу и другие ученые (А.И. Петров, Ж.Г. Сон, Е.П. Абрамова и др.) [АРАН. Ф.1577. Оп.6. Д.204. Л.37, 42; 5, с. 37; 8; 6; 1].

Источники. Предлагаемое научное исследование базируется на материалах фондов Архива российской академии наук (Ф.1577), Государственного архива Дальнего Востока (Ф.1044).

Изучение документов названных фондов дает представление о непрерывном процессе миграции корейцев, главным образом из северных провинций Кореи, на территорию Российской империи. Эта мера осуществлялась в первую очередь в поисках обустройства жизненных условий, улучшения материального положения, познания мира. Эти условия оказывались весьма сложными и противоречивыми, но, прибывая в новый регион проживания, корейцы активно включались в производственный процесс, применяя свой богатый жизненный опыт.

Результаты исследования. Камчатскому полуострову выпала историческая миссия – непредвиденной встречи трех цивилизаций: русской, корейской и северных малочисленных народов. В силу своего положения длительное время проявлялась заметная роль в обустройстве народов на Камчатке и японцев. Дело в том, что в хозяйственном секторе Камчатской губернии (области) действовали многие японские концессии. Корейцы и японцы имеют много общего в менталитете. Об этом говорит известный исследователь истории народов Дальнего Востока Н.В. Кюннер. Он отмечает у корейцев и японцев не только родство, но и влияние корейцев на формирование японской нации.

Н.В. Кюннер обратился к проблеме этногенеза японцев еще в конце 1930-х годов и подготовил к изданию специальное исследование [АРАН. Ф.1577. Оп.6. Д.204. Л.1-176].

Рукопись монографии – это итог долгих лет труда и поисков автора. Она

хранится в фондах архива Российской академии наук. Н. Кюнер всесторонне оценил политическую роль Японии в этот период на Дальнем Востоке и по отношению к России. «Осуществляя в широком масштабе интервенцию против советов в Восточной Азии, – пишет Н.В. Кюнер, – Япония не только фактически оккупировала Сахалинскую область (Северный Сахалин, районы Николаевска-на-Амуре, Уссурийской области и в значительной степени часть Амурской и Забайкальской областей), но и заняла государственную экономическую зону на Камчатке и Охотском побережье» [5, с. 7].

Применительно к Камчатскому краю, по нашему мнению, отсутствует системное изучение социальной истории этнических меньшинств, хотя они играли существенную подсобную роль в освоении регионов, особенно в рыбной промышленности. В 10 сборниках статей, изданных краеведами с 1999 г., отсутствуют материалы о тех, кто составлял производительный ресурс края на разных этапах развития его экономики, переселенцах, их роли и месте в камчатском социуме.

В связи с этим определенный интерес представляет концепция о японской расе как расе северного происхождения, родственной корейцам (родина расы в Хюге). Н.В. Кюнер говорит о двух морских маршрутах, которые вели от Кореи в Японию: 1) к Идаумо и Хоки; 2) к берегам Хидаз Эни Хиго и отсюда – к Хюге [АРАН. Ф.1577. Оп.6. Д.204. Л.37, 4; 5, с. 37].

Родство объясняется, по Кюнеру, еще таким фактами, как переселение корейцев в Японию, включение их в состав японского населения, даже основание японской династии. Эта точка зрения находит подтверждение в трудах японских исследователей – Кендзахиро, Сиратори, Миядзе и др. В этом же ключе переселение в Японию в VII в. представителей королевских родов и населения из Кударе (Пэкче) и Коле (Когурё), завоевание Сшиллы в Корее. Эмигранты из Китая и Кореи селились в Японии. В Бохае в 871 г. н.э. восстановление Маньчжурии и Уссурийского края, смешение с Кореей охватывало период с XVII в. до середины XIX в. [АРАН. Ф.1577. Оп.6. Д.204. Л.52; 5, с. 37].

Следует также отметить, что в Союзе ССР научный интерес к Японии был огромным и постоянным. Он не иссякал и накануне войны 1941–1945 гг. В Корее велась непрекращающаяся борьба за свободу против японцев. События, связанные с этим вопросом, всесторонне рассматривались 28 января 1939 г. на заседании Сектора истории новейшего времени Института истории АН СССР.

В связи с этим следует напомнить об Указе императрицы Екатерины II Правительственному Сенату о разрешении иностранцам селиться на пустых землях в России (1762). Эта мера расценивалась ею как «политическое дело – принимать в России без данного Нам доклада всех желающих». Указ как раз и был основой принятия последующих решений правительства России по этому вопросу.

В таком шаге владельцы страны видели, прежде всего, возможность процветания России – «мы надеемся со временем через то умножить славу и благополучие нашей Империи» [7, с. 9].

27 апреля 1861 г. император Александр II утвердил законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях

Восточной Сибири». Этот Указ коснулся и российских корейцев, которые в год *капчжа* (1864) решили добровольно, как пишет об этом профессор госуниверситета Чонбук в Чонджу (Республика Корея) Юн Сан Вон, «переселиться в соседнюю Россию», в «русский мир»¹.

В ответ на Указ императрицы не было заметно, чтобы чиновники поторопились. Только в 1871 г., как раз в год юридического оформления корейцев-переселенцев, были приняты подготовленные правила, а еще Закон «О правилах относительно принятия и оставления иностранцев Русского подданства».

По данным корейских источников, в 1882 г. на исконно корейской территории левобережья Тумангана (остров Ноктундо) проживало 113 семей корейскоподданных численностью 822 человека [3].

Е.П. Абрамовой удалось установить по записям метрических книг камчатских церквей (1885–1925 гг.) данные о проживании к 1914 г. *более 60 корейцев* [1]. Хотя их положение неоднократно омрачалось принимаемыми царским двором актами. 22 ноября 1886 г. Александр III утвердил закон, запрещавший корейцам поселение в Посъетском, Ханкайском и Сучанском районах Приморья. Однако власти только отложили его реализацию до заселения юга Приморской области русскими переселенцами [3; 9].

Правда, этот закон и не относился непосредственно к корейцам Камчатки, тем не менее создавал тревожную ситуацию.

По Всероссийской переписи населения 1897 года, на Дальнем Востоке проживало 25,9 тыс. корейцев, в том числе в Южно-Уссурийском крае – 22,5 тыс., в остальной части Приморского края, на острове Сахалин и в *Камчатской области* – 1,8 тыс., в *Амурской области* – 1,6 тыс. человек.

Совет Министров своим «Особым Журналом» 21 апреля и 5 мая 1911 г. принял в окончательной редакции положительное решение, которое небезынтересно привести полностью: «В изъятие от закона 21 июня 1910 г. некоторых в Приамурском генерал-губернаторстве и в Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства ограничения для лиц, состоящих в иностранном подданстве [10, с. 1290], допустить к работам по устройству телеграфной линии по западному побережью Камчатки рабочих-корейцев с тем, чтобы число упомянутых рабочих определено было Приамурским генерал-губернатором, и, чтобы, по завершении означимых работ, рабочие сии вывезены были с Камчатки».

Таким образом, Совет Министров не только одобрил ходатайство Н.Л. Гондатти, но предоставил ему право самому определить численность рабочих-корейцев, необходимых для работ по сооружению телеграфной линии на полуострове Камчатка.

¹ Дата установлена на основе изученных документов в архивах Санкт-Петербурга, Владивостока, Республики Корея, СМИ. Профессор Государственного корейского университета Чонбук Юн Сан Вон, в связи с этим отмечает: «Хотя исторические документы частично свидетельствуют о том, что первые переселенцы появились еще в 1863 году, но в этом году еще не было юридического закрепления этого исторического факта» (См.: *Юн Сан Вон. Однажды сто лет назад* // Gazeta.korean.net/history/82926 (дата обращения: 03.08.2018).



Группа корейских рабочих на строительстве Уссурийской железно дороги. Около 1896 г. Аналогичные группы создавались и для прокладки линии связи на побережье Камчатского полуострова . 1910 - 1913 гг. (Из коллекции Ж.Г.Сон)



Русские и корейские крестьяне (Из коллекции Ж.Г. Сон)



Кореец -переселенец на
Дальнем Востоке
1990-е годы.

(Из коллекции Ж.Г.Сон)



1990-е годы. Заселение корейцами регионов Дальнего Востока
(Из коллекции Ж.Г.Сон)

Вместе с тем закон от 21 июня 1910 г., по нашему мнению, помимо определенных отрицательных последствий, имел также и положительное значение. Дело в том, что им создавались препятствия консервации низших форм наемного труда, способствуя в то же время осуществлению промышленного переворота в ведущих отраслях экономики русского Дальнего Востока [8, с. 197].

Рассматриваемый аспект проблемы приходится на период, когда Камчатская губерния с 1909 по 1920 гг. оставалась в составе Российской империи. В связи с созданием 6 апреля 1920 г. Дальневосточной республики губерния остается и составной частью республики (до 15 ноября 1922 г.) с центром в местечке Петропавловск, переименованным в 1924 г. в город Петропавловск-Камчатский.

Согласно представленным Министерством внутренних дел России сведениям о расселении корейцев, в центре Камчатской губернии проживало 114 человек (без данных о проживавших корейцах по всей территории области). В их числе было 77 мужчин и 16 женщин [ГА ДВ. Ф.1044. Оп.1. Д.20. Л.40, 41, 42, 43].

Список корейских семейств, расселенных в Петропавловске в 1913–1914 гг.

Имя, фамилия и состав семьи	Мужчины	Женщины, дети	Возраст	Где проживал и с какого времени	Чем занимался
Серге́й - Етерь	1	—	42	дом Сьцинского, 2 года	чернорабочий
До-цан-Шунь	1	—	19	дом Сьцинского, 1 год	рыбак
Им Ман-гони	1		27	то же	то же
Ти-ван-се	1	—	42	дом Донского, 9 лет	пастух
Его жена Ким	—	1	31	—	по хозяйству

Дети: Петръ	1	—	13	—	ученик
Турце	—	1	6	—	при родителях
Сеце	1	—	1	—	то же
Ким-вын-сиги	1	—	32	дом Донского, 1 год	чернорабочий
Ти-сан-уни	—	1	26	то же	то же
Нам-вын-си	—	—	25	то же, 8 лет	то же
Василий Но	1	—	39	дом Федорова 4 года	подрядчик
Жена Но Ма- рия	—	1	43	то же	—
Георгий Ден- сен-куни	1	—	30	то же	подрядчик
Ким-че-си	1	—	27	то же	рабочий
Ким-ги-дю-ни	1	—	30	то же	то же
Чо-ин-суни	1	—	30	то же	то же
Чо-тхя-дюни	1	—	36	то же дом Сазаева, 1 год	рыбак
Его жена Кимъ	—	1	33	—	—
Дети: Ким доръ	1	—	5	—	—
Ким-суни	—	1	менее года	—	при родителях
Братъ Чен-то- гуни	1	—	28	—	чернорабочий
Чу-вано	1	—	38	—	то же
Чу-ня	1	—	41	—	то же
Пак-сун-га	1	—	38	дом Сазаева, с 1915 г.	рабочий
Ким Пен-хуни	1	1	37	то же, с 1914 г.	то же
Пон-жу-ни	1	—	46	то же, 5 лет	то же
Тэ-дза-енъ	1	—	29	то же, 4 года	то же
Ими-на	1	—	42	дом Оръехова. 1 год	то же
Хан-кен-бой	1	—	29	то же, 1 год	то же
Жена Динъ	—	1	33	—	—
Дети: Поуни	—	1	11	—	—
Сапиръ	—	1	5	—	при родителях
Кум-суни	—	1	менее го- да	менее года	то же
Хан-мин-сей	—	1	42	дом Оръехова менее года	рабочий
Че-ен-на	1	—	26	то же, 4 года	матрос
Те-ман-сами	1	—	41	дом Сизова	чернорабочий
Цим-ца-горъ	1	—	28	то же, 1 месяц	то же
Ким-ба-лю	1	—	51	то же, 1-й год	то же

Ким-чан-дюни	1	—	24	то же	то же
<i>Жена</i> Пак	—	1	16	то же	—
<i>Дети:</i> дочь Цой /Ким-чан-дюни/	—	1	15	—	—
Николай Югай Семоги	1	—	46	дом Рябченко, 3-й год	барахольщик
<i>Жена</i> Мария	—	1	44	—	—
<i>Дочь</i> Елена	—	1	14	—	—
Сан-ири	1	—	45	то же, 1-й год	чернорабочий
Владимир Тень	1	—	13	то же	ученик
Ли-си-себи	1	—	30	то же, 3-й год	чернорабочий
Ти-они	1	—	31	то же	то же
Пак-ун-ха	1	—	38	дом Энгрича, 1-й год	то же
Па-тен-хунь	1	—	38	то же, 3-й год	то же
Пак-ман-ги	1	—	26	то же, 3-й год	то же
Анна Ким	—	1	50	дом Рябченко, 3-й год	по хозяйству
<i>Сын</i> Виктор	1	—	13	то же	—
Тенсенчони	1	—	58	то же, 3 года	чернорабочий
Пакг-энге	1	—	30	то же, 2 года	то же
Иванъ Пакъ	1	—	59	собственный дом, 16 лет	подрядчик
<i>Дети*</i> Елена	—	1	9	—	—
Ольга	—	1	8	—	—
Хемуги	1	—	45	дом Велицкого, 5 лет	чернорабочий
Нихейуни	1	—	49	то же, 1 год	то же
Кимменха	1	—	26	то же	то же
Ковинси	1	—	24	то же	то же
Кимпоюри	1	—	52	дом Горбова	огородник
<i>Жена</i> Пига	—	1	44	то же, 5 лет	то же
Хан-дишеги	1	—	51	то же, 1 год	чернорабочий
Ким	1	—	38	то же, 5 лет	то же
Тон Менхеги	1	—	32	то же, 3 года	то же
Чошанхвари	1	—	31	то же, 6 лет	то же
Алексьей Кизими	1	—	31	дом Орехова	старшинка
Чимпенгони	1	—	30	то же, 5 лет	чернорабочий
Цайнкори	1	—	22	22	чернорабочий
Серьгей Пакъ	1	—	40	Собственный дом	подрядчик
<i>Жена</i> Елена	—	1	33	6 лет	—
<i>Дети:</i> София	—	1	14	—	—
Василий	1	—	12	—	—
Петрь	1	—	4	—	—
Исоноги	1	—	24	дом Огородникова, 1 год	чернорабочий
Ван-цны-генъ					
То-зан-чи					

И-икоу					
И-чун-че					
Че-сова					
Че-мун-чу					
Ким-чун-самъ					
Чир-сони					
Не-изуни					
Ким-ан-ченъ					
Ни-тон-сани					
Па-хен-сунъ					
Пак-чу-е					
Ено-ни					
Ким-ю-тонъ					
Ким-мун-изи					
Александр-Иван-су	1	—	26	на конюшне (кошка), 4 года	конюх
Иван Икандэ	1	—	37	то же, 7 лет	то же
Николай Ким-иунъ	1	—	40	то же, 5 лет	то же
Ким ишой	1	—	32	дом Подпругина, 1-й год	рабочий
Иси-чу-ной	1	—	22	то же	то же
Де-дямени	1	—	40	то же	то же
Ли-Октори	1	—	33	то же	то же
Ми-ганъ	1	—	39	то же	то же
Ким-ден-ги	1	—	33	то же	то же
Ни Яков	1	—	38	то же, 6 лет	то же
Ким (сожигательн.)	1	—	31	то же	то же
Зио-шен-зунъ	1	—	32	то же, 5 лет	рабочий
Мун-чи-ри	1	—	46	то же, 1 год дом Бакулова	то же
Мин-ган-хо	1	—	34	дом Подпругина. 1-й год	то же
Ким-па-унъ	1	—	55	то же	то же
Ким-хтак-су	1	—	31	дом П. Ни, 6-й год	то же
Жена Кимъ	—	1	35	—	—
Пай-ту-гамони	1	—	21	то же, 3 года	ученик
И-чун-беги	1	—	32	то же, 2 года	поварь
Жена Ти-мин-иръ Пакъ	—	1	36	дом С. Пак, 3 года	по хозяйству
Дети: Ченсуне	—	1	3	—	—
Каинъ-мень	1	—	1	—	—
Мун-гин-бо (квартирант)	1	—	32	то же, 5 лет	рабочий

Начальник Петропавловского уезда _____ (подпись)

Секретарь _____ (подпись)

Warden of Petropavlovsk County _____ (signature)

Secretary _____ (signature)

По профессиональной принадлежности большую часть из них составляли чернорабочие, затем следовали подрядчики, рыбаки и отдельно работавшие по домашнему хозяйству: пастухи, конюхи, повара, огородники. То есть были представлены специальности, связанные главным образом с аграрной сферой. Значатся в списках также и матросы, и «старшинка», и трудящиеся «барахольщики».

Особую группу в корейской общине составляли школьники и дети дошкольного возраста [АДВ. Ф.1044. Оп.1. Д.20, Л.40-43; 11, с. 561].

Представленными семейными списками корейцев, разумеется, не отрицается возможность появления корейцев на Камчатском полуострове гораздо ранее. Не все они останавливались в Приморье. Некоторые корейцы проникали и в районы севернее Хабаровска, и в Приамурье, и Якутию, а далее – на побережье – в Охотск и на Камчатский полуостров. Как раз об этом свидетельствует и обращение 28 декабря 1885 г. управляющего Камчатской духовной миссией священника Дмитрия Трусова к Епископу Мартиниану с рапортом. Он просил ходатайства последнего «о награждении старшины села Благословенного Тимофея Цхе Сиони почетным темно-малиновым бархатным с галунами и оружием кафтаном за ревностное исправление возложенной на него должности и оказываемое благоприятное влияние на управляемых им корейцев» [6, с. 141-142].

По данным опубликованного списка следует, что после переписи 1897 г. переселение на полуостров не прекращалось и хотя носило спонтанный характер, но обусловлено было поиском лучшей жизни для семей. Об этом свидетельствует и самая удаленная от переписи корейцев г. Петропавловска дата пребывания на полуострове – 16 лет. Затем следуют проживавшие в городе 9, 5 лет, 3 года.

Появление семейных списков корейцев, судя по всему, было связано с письмом директора департамента общих дел Министерства внутренних дел Российской империи на имя Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера. В нем говорилось «о необходимости проведения переписи корейцев (апрель 1908 г.) и принятии самых энергичных мер к выселению корейских подданных из этого края и противодействию дальнейшему их появлению» [6, с. 158].

Конечно, все мигранты ставили своей целью получение разрешения на «водворимость в Камчатской области», российское подданство. В данном случае, как свидетельствует из переписки, хранящейся в названных фондах (Ф.1044, Д. 358, 360), они всеми путями стремились к достижению своей цели. Однако если конечная цель бывала достигнута, то проситель получал возможность иметь и жилье, и работу. Многие из мигрантов, вербовщиков стремились принять и христианство, что облегчало их обустройство и проживание.

Уже в 1914 г. было продолжено переселение корейцев на Камчатский полуостров. Правда, оно свершалось не группами, а посемейно или поодиночке.

В связи с этим для исследователя приобретают особую ценность документы, содержащие информационные материалы Петропавловского уездного полицейского управления о выдаче «русских билетов» корейцам, иностранноподданным на право проживания в России. С 1915 по 1918 г. корейцам было выдано, по приблизительным данным, более 20 русских билетов. И эта акция продолжалась в последующем. Только в 1924 г. было предоставлено 33 таких билета корейцам, прибывшим на Камчатку.

Проживавшие на полуострове корейцы были заняты главным образом в рыбной промышленности и аграрной сфере. И так было до второй половины 1930-х годов. Продолжали прибывать на полуостров и новые поселенцы из корейцев.

Им также пришлось преодолеть трудности обустройства в губернии, участвовать в борьбе со всякого рода бандитизмом (банда Карамзина и др.), преодолевать сопротивление при участии в выборах советов, в ходе формирования системы образования для детей, установления контактов с местным населением.

Начиная с 1932 г. наблюдалось ужесточение борьбы с различными антисоветскими группировками, окопавшимися на территории Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют и оценки ситуации, содержащиеся во многих информационных материалах СПО ОГПУ об оперативной работе на местах. На территории Камчатской области с 1932 по 1937 г. было репрессировано по этой линии 62 человека [1].

Глава УНКВД по Дальневосточному краю комиссар В.А. Балицкий проводил до июля 1937 г. многие мероприятия по реализации мер национальной политики на Дальнем Востоке, включая территории с проживанием корейского населения. Дел было предостаточно.

По своему содержанию в весьма лаконичном документе, постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О корейцах» от 21 августа 1937 г., опубликованном в печати, шесть пунктов были подчинены исключительно решению одной задачи – «выселить принудительным порядком всех корейцев». Наряду с этим читаем: «Немедленно закончить операцию 1 января 1938 г.». Исполнителям предписывалось также «принять меры против возможных эксцессов и беспорядков со стороны корейцев».

Тем самым, на основе присылаемых Г.С. Люшковым сообщений Политбюро ЦК ВКП(б) подготовило основание для выселения корейцев. И только 28 августа 1937 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен «вопрос Далькрайкома». В постановлении по этому вопросу констатировалось: «1). Выселить из пограничной полосы 11 600 корейских хозяйств, а всего 61 тыс. человек». Это и явилось заданием на первый этап принудительного переселения советских корейцев.

Проведение операции позволяло начальнику политотдела дороги Кудрявцеву 18 октября 1937 г. доложить шифротелеграммой на имя И.В. Сталина и Н.И. Ежова об исполнении задания ЦК по перевозкам корейцев «по всем трем очередям».

25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК было завершено. Всего выселено корейцев 124 эшелона в составе 36 442 семьи – 171 781 человек. Корейцы распределены: в Узбекской ССР – 16 272 семьи (76 525 чел.), в Казахской ССР – 20 170 семей (95 256 чел.). Прибыли и разгружены на местах 76 эшелонов, в пути 48 эшелонов.

Вторая половина 1930-х годов была отмечена также очередным принудительным переселением как с территории Камчатской области, так и с о. Сахалин. Нарком внутренних дел СССР Н. Ежов писал председателю СНК СССР В.М. Молотову 25 октября 1937 г. и о другом под грифом «Совершенно секретно» [ГАРФ. Ф.5446. Оп.29. Д.48. Л.7]:

«...Остались на ДВК, Камчатке, в Охотске спецпереселенцев, всех до 700 человек, которые будут выселены сборным эшелоном до 1 ноября с. г.» [2, с. 112].

Так не стало на Дальнем Востоке советских корейцев. Начинался новый период в их истории, который затянулся более чем на столетие.

Правда, выявленные архивные данные свидетельствуют о несколько другой концепции, в связи с этим вопросом.

Профессор А.И. Вдовин приводит обобщающие сведения, что за годы войны, в том числе и за кампанию на Дальнем Востоке в 1945 г., потери в Вооруженных Силах СССР составили 11,4 млн человек. Этим был нанесен огромный ущерб рабочему ресурсу государства.

К началу 1940-х годов из этого контингента корейцев, чьи предки переселялись, начиная с 1864 г. в Россию, на территории Дальнего Востока оставалось только лишь 246 представителей корейской национальности.

Нехватка рабочих компенсировалась соглашениями правительств Союза ССР и Северной Кореи. По согласованию начиная с 1946 г. корейцы начали поступать и на Камчатку. Они расселялись на действующие рыбопромышленные предприятия.

Основной завоз корейских рабочих в 1946 и 1947 гг. был произведен на рыбные предприятия Камчатки: в 1946 г. было завезено 10 781 чел., в 1947 г. – 10 572 человека. Другие сведения, в частности по Камчатке, приведены в таблице Е.Г. Кожемяко. По его данным, на середину 1946 г. был доставлен 10 861 кореец, отправлены на предприятия – 8667 человек. В мае 1947 г. только пароход «Зырянин» доставил на Камчатку 2200 человек.

Как свидетельствуют источники, к этому контингенту добавились и 300 возвращенных из мест выселения корейцев (в основном с Камчатки) в качестве переводчиков. По другим данным, их численность возросла до 1500 человек.

Фактически их пребывание на полуострове было спокойным до середины 1950-х годов.

Многие корейцы из Северной Кореи проявляли трудовой героизм, оставаясь «ловцами рыбы». Из их числа выходили передовики производства, выполнявшие задания на 150–200%.

На 1950-е годы приходится и возвращение в КНДР корейцев, трудившихся по призыву Ким Ир Сена и договоренности с Правительством СССР на рыбопромыслах Камчатской области. Конечно, это была не реабилитация, а намерение собрать весь народ воедино в Северной Корее в целях решения задач по обустройству своей государственности.

В Камчатской области началась подготовка к возвращению корейцев в КНДР. Однако выполнение этой задачи нельзя назвать успешным. Тем не менее велась большая подготовительная работа. Об этом свидетельствуют и архивные документы в Государственном краевом архиве Камчатского края. Очевидно, кампания эта началась еще в 1954 г. и продолжалась до начала 1960-х годов.

Источники свидетельствуют о том, что многие из корейцев выражали свое нежелание к возвращению. В качестве протеста они убегали на 15–20 км в глубь леса, чтобы «переждать» кампанию, остаться в Советском Союзе. И все же, по приблизительным данным, около 10 тыс. корейцев Северной Кореи из направлявшихся в этот период в разные регионы Дальнего Востока (более 30 тыс. чел.)

были возвращены. С остававшимися корейцами в этом плане работу не проводили.

5 июня 1958 г. было принято распоряжение Совета Министров СССР № 1827-с, обязывавшее местные органы завершить в 1958 г. отправку корейских граждан.

Отъезд корейцев с территории полуострова не был также односторонним актом. Начавшись в середине 1950-х годов, он растянулся на длительное время. Сопутствовала этому и вступившая в силу Консульская конвенция между СССР и КНДР с резиденцией в г. Находке [4, с. 148-156]. Ее компетенция распространялась на районы, в которых производился учет и документирование граждан КНДР.

Особое внимание уделялось и тому контингенту корейцев, кто прибыл из Северной Кореи по вербовке в период с 1946 по 1949 г. Не оставались не охваченными заботой со стороны органов, принимавших решение об отказе от национального гражданства, и те корейцы, кто по тем или иным причинам отказывался от возвращения в КНДР. Приемлемыми становились и правила для завербованных в прошлом корейцев, принявших гражданство СССР. Они получали право на временные выезды в КНДР. Всякая переписка студентов подвергалась цензуре курировавших это направление структур органов власти. Такой сложной была эпопея заселения Камчатского полуострова в 1940–1950-е годы.

Выводы. Конечно, главное внимание автора было сосредоточено на представлении корейцев как составляющих структуры населения на территории Дальнего Востока и конкретно местечка Петропавловска-Камчатского.

Как свидетельствуют документы, они, пребывая в Петропавловске, становились его органичной частью, работали в разных сферах народного хозяйства губернии, выполняя главным образом черную работу, но в то же время им были определены и другие виды трудовой деятельности, такие как «старшинники», огородники, подрядчики. Практиковался и труд по найму.

В настоящее время в Камчатском крае проживают около 2 тыс. граждан корейской национальности. Они достойны и уважаемы, пользуются всеми правами наряду с другими народами, вносят ощутимый вклад в преумножение экономического и духовного потенциала края.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамова Е.П. Корейцы на Камчатке в конце XIX в. – середине XX в. По документам ГАКК // URL: http://old.kamgov.ru/?cont=oiv_din&menu=48&menu2=08&id=185&ovi_id=3566 (дата обращения: 25.05.2018).
2. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев) / Ред. М.Н. Губогло. – М.: ЦИМО, 1998. – С. 112.
3. Иванов А.Ю. Проблемы урегулирования приграничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885) // КиберЛенинка (дата обращения: 08.12.2017).
4. Кузин А.Т. Послевоенная вербовка северокорейских рабочих на промышленные предприятия Сахалинской области (1946–1960-е годы) // Россия и АТР. – Владивосток, 2010. – № 3. – С. 148-156.

5. Кюннер Н.В. Этногенез японцев. – М., 1937. – 161 с. – С. 5.
6. Миграция корейцев на русский Дальний Восток: российско-корейские отношения. 1821–1918 г. Документальная история / Сост. Ж.Г. Сон. Сер.: Российские корейцы. – М., 2017. – С. 141-142.
7. Немцы колонисты в век Екатерины – Deutshe Kolonisten und Katarinas Jahrhundert // Российский государственный архив древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье / Сост. Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. – М., 2004. – С. 9.
8. Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С. 197.
9. Романов Р.Е. Корейцы / Историческая энциклопедия Сибири. – М., 2009.
10. Собрание Узаконений и распоряжений Российской империи. СПб., 1910... Ст. 1290
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). Т. 5. – М., 2003. – С. 561.

REFERENCES

1. Abramova E.P. Koreans in Kamchatka in the late nineteenth century – mid-twentieth century. According to GAKK documents. URL: http://old.kamgov.ru/?cont=oiv_din&menu=48&menu2=08&id=185&ovi_id=3566 (accessed May 25, 2018).
2. Bugai N.F. Social naturalization and ethnic mobilization (experience of Russian Koreans). М.: СИО, 1998. С. 112. Ed. M.N. Guboglo. P. 112.
3. Ivanov A.Yu. Problems of settling border issues between Russia and Korea (1860–1885). CyberLeninka (accessed December 8, 2017).
4. Kuzin A.T. Post-war recruitment of North Korean workers for industrial enterprises in the Sakhalin region (1946–1960s). Russia and the APR. Vladivostok, 2010. № 3. P. 148–156.
5. Kyuner N.V. Ethnogenesis of the Japanese. Moscow, 1937. 176 p. P. 5.
6. Migration of Koreans to the Russian Far East: Russian-Korean relations. 1821–1918 г. Documentary History. Series "Russian Koreans". М., 2017. P. 141-142. Comp. by J.G. Son.
7. Deutshe Kolonisten und Katarinas Jahrhundert (German Colonists in the Age of Catherine). Russian State Archive of Ancient Documents on the History of the Organization of German Colonies in the Volga Region. Comp. E.E. Lykova, M.I. Osekina. М., 2004. P. 9.
8. Petrov A.I. The Korean Diaspora in Russia. 197–1917. Vladivostok: FEB RAS, 2001. P. 197.
9. Romanov R.E. Koreans. Historical Encyclopedia of Siberia. М., 2009.
10. Collection of Laws... Art 1290.
11. "Top Secret": Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934). Т. 5. М., 2003. P. 561.

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник РФ III класса

Orcid iD: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)
nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nikolay F. BUGAY, Doctor of Historical Sciences, Professor, senior scientist, Institute of Russian History RAS, active state adviser of the Russian Federation, class III

Orcid iD: [http // orcid.org/0000-0002-8363-1638](http://orcid.org/0000-0002-8363-1638)
nikolay401@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 09.04.2022

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.04.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.